
ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

В. В. КАНИЩЕВ, Е. В. БАРАНОВА,
Н. А. ЖИРОВ

ЛЕСНЫЕ РЕСУРСЫ В ИСТОРИИ АГРАРНОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ (локальный и микроисторический уровни)*

В статье рассмотрены изменения в состоянии лесных ресурсов под воздействием антропогенного фактора на локальном уровне (Тамбовская и Орловская губернии) и микроуровне отдельных населенных пунктов, волостей, районов. На конкретном историческом и картографическом материале подтвержден тезис о мозаичности лесных участков в Центрально-Черноземной лесостепи, возникшей в силу природных факторов и усиленной человеческим фактором.

Ключевые слова: аграрное общество, леса, локальная история, микроисторический подход, антропогенный фактор.

Общеизвестно, что вопросы о роли и месте лесных угодий в российской истории вообще, конкретного использования лесных материалов и даров в повседневной жизни общества давно находятся в поле зрения отечественной историографии. Другое дело, что традиционные для исторической науки письменные источники ограничено и зачастую расплывчато отразили историю лесов в России. Попытки количественного определения изменений размеров лесных площадей даже последнего столетия на основе достаточно надежных статистических источников крайне затруднены

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0953 и РФФИ, проект № НК12-06-00195/13.

ввиду частых перемен в административно-территориальном делении Российской Федерации. Тем более процессы лесопользования шли неравномерно на обширной территории России. Эти затруднения позволяют преодолевать исследования, основанные на локальных и микроисторических источниках, которые дают возможность точнее сравнивать разновременные сведения, относящиеся к одной и той же территории, а также выявлять «низовые» процессы, не всегда заметные при макроисторическом подходе.

Сколько-нибудь систематизированные сведения о лесах отдельных губерний Российской империи и даже отдельных лесных массивах стали появляться с конца XVIII в. в различных экономико-географических и статистических описаниях, планах Генерального межевания. Изучение этих источников сразу же показало некоторое противоречие картографических и письменных данных. Так, на межевых планах самый крупный в Тамбовской губернии Цнинский лес изображен большим сплошным массивом. А «Географический словарь русского государства» Л. Максимовича и А. Щекатова также конца XVIII в. сообщал, что Цнинский лес большей частью истреблен. Уже авторитетные современники выражали сомнения в точности измерения природных объектов в ходе межевания. Тамбовский наместник Г. Р. Державин, вступивший в должность как раз в период проведения Генерального межевания, в письме своему начальнику Рязанскому и Тамбовскому генерал-губернатору И. В. Гудовичу в 1786 г. писал: «Я с самого моего приезда в губернию желал иметь таковые карты с топографическими и камеральными описаниями, для чего и отправил в Тамбовскую межевую контору трех землемеров для скопирования в оной топографических карт и описывания алфаветов селениям, из коих кроме двух уездов хотя и скопированы все, но по усмотрению оказываются неверными в том, что на оных не показано рек и дорог, а равномерно и расстояния между городами и селениями...» (цит. по: Мещеряков 2005: 27–28).

Не случайно даже современники «не отваживались» называть планы Генерального межевания картами. В такой ситуации мы решили обратиться к геоинформационным технологиям.

Для того чтобы точнее представить все эти несоответствия, мы решили построить историко-картографические модели, основываясь на картах Генерального межевания и материалах Экономических примечаний отдельных селений Тамбовской губернии.

Для уточнения картографических эффектов на микроуровне мы оцифровали фрагмент плана одного из участков заселенного еще в XVII в. Козловского уезда (с. Круглое), выделив на нем, исходя из условных обозначений и в целях историко-экологического исследования, площади основных природных угодий. Все эти площади были обчислены средствами ГИС. Сопоставление электронной карты со статистическими материалами Экономических примечаний показало примерно такой же порядок распределения угодий по их удельному весу (1-е место – пашня, 2-е – луг, 3-е – лес), но и существенные отклонения (на несколько сотен десятин) в количественных размерах угодий. В частности, лесная площадь участка получилась почти на 200 дес. меньше, чем по сведениям Экономических примечаний (РГАДА Ф. 1355 Оп. 1599(1). Д. 58. Л. 24).

Картографический анализ этих расхождений дал возможность предположить, что у межевщиков конца XVIII в. проблемы были не только в «халтурных» неточностях измерений, отмеченных Г. Р. Державиным, но и в объективных трудностях (сложные контуры угодий и их границ, отсутствие выделения на картах Генерального межевания берегов рек, их пойм, террас, болот, долин больших оврагов и т. п.). И все-таки уточненная картосхема географа С. К. Костовски показала минимальные уточнения в сравнении со сделанной историками «грубой» оцифровкой. Выявленные расхождения планов и примечаний многократно больше (Канищев и др. 2011: 15–20). Пути преодоления проблемы, во-первых, видятся в более тщательном изучении первичных материалов Генерального межевания, которые по каждому межевому участку составлялись в нескольких формах и перепроверялись. Во-вторых, нужно изучать сохранившиеся в архивах планы имений, близкие по времени к Генеральному межеванию, но составленные другими землемерами. В частности, так сказать, низкое качество притамбовского леса зафиксировали очередные Экономические примечания к плану Генерального межевания по г. Тамбову, составленные

в 1828 г.: «Лес ивовый, ореховый, изредка дубовый» (Канищев и др. 2011: 15–20). Данные 1980-х гг. свидетельствуют о том, что в пригородном лесничестве сохранились незначительные площади 150-летних сосен, то есть посаженных именно в 1830-е гг. (Тамбов... 1990: 8). Отсюда ясно, что леса более раннего времени исчезли, что подтверждает справедливость данных конца 1820-х гг.

Следует учитывать, что даже если мы картографически очень точно измерим природные угодья, это не будет означать, что они реально использовались в таких объемах. По различным причинам крестьяне и помещики одного села в разные годы могли распахать разное количество пашни, которая им принадлежала, косить разную площадь сенокосов, выпасать разное количество скота, заготавливать разное количество дров или строительного леса (в связи с частыми пожарами) и т. д. Другими словами, антропогенная нагрузка на окружающую среду даже в близкие друг к другу годы была разной. Поэтому историко-географическое изучение экологических процессов сравнительно далекого прошлого в значительной мере будет оставаться моделированием.

Применительно к XIX в. в наибольшей мере тамбовскими историками исследовано воздействие населения на пригородные леса (Акользина, Канищев 2005). В частности, в уездных городах Тамбовской губернии процесс модернизации уже с конца XVIII в. стал проявляться в наступлении городов на прилегающие территории, пригородные лесные ресурсы все шире потреблялись в качестве топлива на строившихся в городской округе фабрично-заводских предприятиях, в домах горожан и казенных учреждениях. В рапорте моршанского городничего и градской думы от 22 сентября 1831 г. отмечено, что «пригород Моршанска имеет выгон, отмежеванный для города в 1797 г. из казенного Ценского леса». Но уже к началу 1830-х гг. из 2600 отмежеванных десятин леса оставалось около 1600 десятин. На очищенной от леса земле появились более 20 салотопенных заводов, а также кирпичные заводы, солодовня, торговая баня, пчельники и дома бедных жителей города, когда же именно и кем оные допущены к постройке, «сведений в градской думе не имеется». Особенно интересна последняя фраза, которая

явно говорит о бесконтрольном истреблении даже пригородных лесных ресурсов (ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 725. Лл. 93–95 об.).

В самом конце XIX в. площадь пригородной земли Моршанска формально осталась той же, но лесной земли вместе с пахотной и луговой насчитывалось уже 1500 дес. Учитывая, что наибольшее место занимала пашня, можно сказать, что территория леса сократилась еще на несколько сотен десятин (Памятная... 1894: 24).

Еще больше пострадали леса, принадлежавшие самому продвинутому в торгово-промышленном отношении городу Тамбовской губернии – Козлову. По плану Генерального межевания на городской земле находилось почти 900 дес. леса. В конце XIX в. лесной земли в пригороде не осталось вовсе. Исчезли даже 50 дес. леса на болоте. На месте лесных угодий оказались колокольный завод, десятки салотопенных и кирпичных заводов, скотобоен, другие промышленные предприятия и жилые усадьбы (РГАДА. Ф. 1355. Д. 1597; Памятная... 1894: 21).

Современные технологии позволяют существенно конкретизировать процессы природопользования, в том числе использования лесных земель на природных территориях, поскольку их планы и карты отличаются наибольшей точностью. В частности, можно опереться на опыт А. А. Акашевой, которая использовала ГИС-технологии для исторической реконструкции пригородного пространства Нижнего Новгорода в пореформенный период (Акашева 2006).

Большие возможности для изучения вопросов хозяйственного использования лесов дают массовые первичные материалы о хозяйствах крестьян и помещиков, на основе которых «удобно» создавать базы данных. В частности, «низовые» материалы Генерального межевания конкретно-исторически подтверждают известный из географических исследований тезис о мозаичности лесных массивов и участков в Центрально-Черноземной лесостепи. Учитывая, что в конце XVIII в. вырубка лесов в этой зоне еще не достигла значительных размеров, можно с большой долей уверенности утверждать, что эта мозаичность носила прежде всего природный характер и только усиливалась антропогенным фактором. Так, в случайной выборке 106 помещичьих имений Моршанского, Там-

бовского и Кирсановского уездов Тамбовской губернии, описанных в материалах Генерального межевания, лес отмечен в 81 (76 % от общего числа). Но и там, где лесные угодья имелись, они распределялись весьма неравномерно. Крайними примерами являются имение Тютчевых, расположенное в Кирсановском уезде (2,5 дес. леса), и имение Мещерской в деревне Большая Дубровка Моршанского уезда, где на душу мужского пола приходилось 81,4 дес. В среднем на крестьянскую душу в изученных имениях приходилось 2,9 дес. леса. При этом в 44 имениях леса на 1 мужскую душу приходилось менее 1 дес. (в среднем 0,27 дес.). В 37 имениях количество леса на 1 мужскую душу значительно превышало 1 дес. и в среднем равнялось 6 дес. (Коньшина 2010: 101).

Интересны в этой связи факты, говорящие о приспособлении крестьян к нехватке возможностей использовать помещичьи леса. Так, член дворцовой канцелярии Иван Елагин, специально изучавший хозяйства крестьян его ведомства, писал о том, что «нужда принуждает крестьянина вместо обыкновенных изгородь обсаживать межи и разделения полей своих сплошь ивою, которая в течение 10 лет разросшись, сделает непроходимую стену и довольным на дрова его станет снабжать лесом» (Проект... 1859: 145). Борисоглебский уездный предводитель дворянства Козлов в рукописи 1840-х гг. отмечал, что в этом почти степном уезде крестьяне разводят на низких и водных местах ветлы для разных домашних поделок (Из рукописи... 2009: 135, 140, 142). Известный писатель и публицист середины XIX в. тамбовский помещик И. Грузинов в статье «Возможность улучшения быта помещичьих крестьян Тамбовской губернии», опубликованной в «Журнале землевладельцев» в 1858 г., описал деревню Тамбовского уезда, крестьяне которой вырастили на свои нужды рощу из ветловых и тополевых присадков (Грузинов 1858: 20). Говоря современным языком, можно утверждать, что крестьяне занимались выращиванием лесов, хотя и на примитивном уровне. Но с точки зрения экологии это можно считать одной из форм восстановления природы.

Общеизвестно, что в период крепостного права во многих губерниях лес не включался в крестьянский надел. Помещики только разрешали крестьянам, при особо оговоренных условиях, им поль-

зоваться. Исследователь крепостного права М. А. Литвинов писал, что крестьяне имели право брать из помещичьего леса необходимое топливо, а также материал на поправку жилища, за это они платили мелкие сборы натурой: полотном, овцами, медом, птицей, яйцами (Литвинов 1897: 158). Тамбовская исследовательница крестьянской реформы 1861 г. К. Ф. Максимова написала конкретнее: в имениях свыше 100 душ накануне реформы в 207 случаях крестьяне пользовались лесом из господских дач. В Усманском уезде крестьяне совершенно не пользовались лесом, а в Лебедянском уезде – лишь в одном имении (Максимова 1951: 130). Если учитывать объективные природные обстоятельства, а не только «жадность» помещиков, здесь сказалась мозаичность расположения лесов в лесостепной полосе.

Созданная на основе материалов Редакционных комиссий база данных, включавшая сведения о каждом имении свыше 100 душ Тамбовской губернии в отдельности, позволила конкретизировать вопрос на внутриуездном уровне. В виде таблицы это выглядело следующим образом.

Таблица 1

Обеспеченность крепостных крестьян уездов Тамбовской губернии возможностью пользоваться лесом накануне реформы 1861 г.

Уезд	% имений
Борисоглебский	30
Елатомский	47
Кирсановский	44
Козловский	77
Лебедянский	45
Липецкий	57
Моршанский	93
Спасский	14
Тамбовский	18
Темниковский	96
Усманский	8
Шацкий	52

Источник: Приложения... 1860.

Думается, что на этом уровне больше действовал человеческий, нежели природный, фактор. Это видно из большой разницы в обеспеченности доступа крестьян к лесным ресурсам в сравнительно лесистых по природе соседних между собой Спасском и Темниковском уездах или, напротив, мало покрытых лесами Липецком, Борисоглебском и Усманском уездах.

Несколько лет назад тамбовские историки представили в журнале «История и современность» первые результаты анализа структуры крестьянских природных угодий в лесостепной полосе европейской части России по материалам уставных грамот Тамбовской губернии, созданных в ходе реализации реформы 1861 г. (Канищев, Цинцадзе 2005). Сейчас мы готовы представить более разнообразные результаты обработки массовых источников периода крестьянской реформы и первых пореформенных десятилетий с акцентом на выявление изменений удельного веса лесных угодий во всем массиве природных ресурсов, полученных крестьянством, и размеров лесных земель, оставшихся к концу периода в помещичьих имениях.

Применение информационных технологий и естественно-научных методов позволяет количественно четко представить процесс сведения лесов человеком, известный больше по описательным источникам, оценить его с точки зрения состояния самой природы, создавать модели развития процесса в последующие десятилетия.

Общеизвестно, что к 1860-м гг. в Центральном Черноземье произошло резкое изменение распределения использования земельных угодий губернии. В частности, в Тамбовской губернии, по данным 1866 г., пашня занимала 70 % территории против 35 % в начале XIX в., леса, напротив, сократились – с примерно 30 % до 18 %. Похожая структура угодий сложилась и в Воронежской губернии (Военно-статистический... 1871: 229). Но обобщенные данные о лесах регионального уровня слишком широки для изучения социоестественных процессов в лесостепных регионах. Ввиду мозаичности расположения лесных массивов и участков в этой природной зоне такие данные не дают возможности выяснения обеспеченности лесными ресурсами отдельных населенных пунктов, крестьянских обществ, частновладельческих имений. Эти и другие обстоятельства делают необходимыми привлечение массовых пер-

вичных источников и обработку их с помощью компьютерных технологий. Но при этом остро встают источниковедческие вопросы.

Так, в примечаниях к таблице лесов в уездах Тамбовской губернии, составленной по материалам военно-топографического описания конца 1840-х гг., прямо сказано, что данные по Кирсановскому и Липецкому уездам «заимствованы из показаний землемеров, основанных на планах генерального межевания, прочие взяты из сведений, собранных земскою полицею. Следовательно, ни те, ни другие числа не могут быть приняты хотя бы приблизительно верными: первые из-за древности, вторые по отсутствию всякой возможности приближаться к истинным» (Военно-статистическое... 1851: табл. № 6). Определенный выход из такой ситуации видится в использовании статистического метода построения длинных временных рядов данных, заимствованных из разных независимых друг от друга источников. В частности, построение таких рядов по малолесному Липецкому уезду Тамбовской губернии показало, что на момент Генерального межевания в уезде было 64 тыс. дес. лесной земли, по данным географическо-статистических заметок по Тамбовской губернии 1870 г. – 49 тыс. дес., по сведениям Адрес-календаря Тамбовской губернии на 1913 год – 27 тыс. дес. Несмотря на все недочеты исходных материалов, тенденция к непрерывному сокращению лесных угодий за столетие с небольшим в данном уезде была, как говорится, налицо.

Дополнительные возможности изучения исторической динамики в рассматриваемом вопросе дают геоинформационные технологии, в частности наложение зон лесов по планам Генерального межевания и картам межевания Менде. Нами в качестве испытательного образца была проделана такая работа по Липецкому уезду Тамбовской губернии.

Карта на рисунке очень наглядно показывает, что сокращение лесных площадей в данном уезде главным образом шло путем «отщипывания» отдельных окраин лесных участков при сохранении большинства самих участков. Это усиливало уже не раз упоминавшуюся природную мозаичность лесов лесостепной полосы. В социальном плане это означает, что сельское население стремилось как-то

сохранить в своем пользовании лесные ресурсы, но вынуждено было все больше расчищать под пашню лесные территории.

Рис. 1. Изменения площади лесов в Липецком уезде Тамбовской губернии в конце XVIII – середине XIX в. (серым цветом обозначены лесные участки планов Генерального межевания, черным – межевания Менде)

Аналогичная тенденция наблюдалась и в хорошо обеспеченном лесами Тамбовском уезде: конец 1840-х гг. – 149 тыс. дес., 1870 г. – 130 тыс. дес., 1913 г. – 94 тыс. дес. (Военно-статистическое... 1851: табл. № 6; Географическо-статистические... 1870; Адрес-календарь... 1913).

Новые вопросы возникают при анализе размеров лесных владений отдельных социальных категорий, главным образом крестьян и помещиков. В частности, анализ изменений размеров лесных угодий в крестьянских хозяйствах позволяют сделать материалы соответствующего тома «Сборника статистических сведений по Тамбовской губернии», собранные в ходе земской подворной переписи 1880-х гг.

Представленные в сборнике не только количественные, но и описательные сведения дали возможность выяснить, что в статистических таблицах размеры «продовольственного леса» в селениях Липецкого уезда указаны не по реальному состоянию на начало 1880-х гг., а по сведениям владенных записей, составленных для государственных крестьян в конце 1860-х гг. В текстовой же части сборника описаны реальные изменения лесных площадей бывших

казенных крестьян в 1860–1880-е гг. по 7 волостям и 32 населенным пунктам уезда. Эти экономико-статистические описания в первую очередь свидетельствуют о том, что ни в одном из селений не сохранились первоначальные лесные участки. Более того, как минимум в трех населенных пунктах лесов к началу 1880-х гг. не стало вовсе. Применительно к деревне Семеновке Грязинской волости со слов самих крестьян записано, что лес истреблен (в конце 1860-х гг. имел площадь более 300 дес.).

Сам процесс сбора первичных подворных данных показал, что крестьянские общества и представители государственной власти по-разному рассматривали понятие «лес». В пяти селениях Липецкого уезда крестьяне при подворном обследовании заявили, что у них нет леса как такового, только кустарник. В официальных же документах, как уже отмечалось, за крестьянами числился «продовольственный лес». Думается, что это противоречие исторических источников в дальнейшем помогут преодолеть историко-географические и современные географические данные.

Описательные материалы подворных переписей 1880-х гг. позволяют выяснить, так сказать, механизм организованной порубки лесов крестьянскими обществами. В томе статистического сборника по Липецкому уезду приведено 12 фактов того, как и в каких размерах отдельные общины решали рубить и, самое главное, для общинной справедливости делить срубленные лесные материалы. Не вдаваясь в детали вопроса, отметим, что факты тем самым говорят о вырубке лесов крестьянами как регулируемом процессе. Но это было примитивное регулирование, близкое по сути к быстрой «растациловке» ценной собственности людьми, получившими волю и желающими побыстрее ею воспользоваться.

И все-таки раздумья о последствиях хищнического истребления лесов в крестьянском сознании присутствовали. Не случайно в шести обществах Липецкого уезда было принято решение рубить не по 3–8 дес. ежегодно, а только по 2–3,5 дес. В семи обществах в начале 1880-х гг. вообще прекратили лесные порубки.

Сведения о выделяемых под рубку в 1880-е гг. лесных площадях позволяют смоделировать скорость и масштабы сведения лесов и сравнить результаты моделирования с лесными площадями, ко-

торые находились в распоряжении крестьян несколько десятилетий спустя. Так, простенький эксперимент на материалах Больше-Избердеевской волости Липецкого уезда 1883 и 1912 гг. показал, что за тридцать лет темпы порубки в разных селениях были как умеренными (большая часть дореформенных лесов у крестьянского общества осталась), так и чрезмерными (вырублено 90 % лесных площадей).

Процессы сокращения лесов во второй половине XIX в. происходили и в помещичьих имениях. В частности, это можно определить путем сопоставления баз данных, составленных по материалам Редакционных комиссий конца 1850-х гг. (Приложения к трудам... 1860) и земских переписей частных земельных владений конца 1880-х – начала 1890-х гг. Случайная выборка таких имений по Кирсановскому уезду Тамбовской губернии позволила выявить 20 частных владений, совпавших в материалах двух баз данных по владельцам и населенным пунктам (Сборник... 1891). В 15 из 20 имений лесные площади сократились. Конечно, применительно к владениям помещиков можно предполагать не только рубку лесов (включая количественно почти «неуловимую» самовольную рубку соседних крестьян), но и дарение, раздел, продажу имений или их частей. Но эти обстоятельства, имевшие место внутри уезда, не могли влиять на то, что в целом у помещиков уезда лесные владения по площади сокращались именно в результате вырубки лесов.

Важным для перехода наших наблюдений с локального на более широкий уровень представляется материал по истории лесов соседней с Тамбовской Орловской губернии. Особенность этого региона была в том, что, во-первых, его территория раньше стала осваиваться земледельцами по сравнению с более восточными частями Центрального Черноземья, а во-вторых, в Орловской губернии, вытянутой с востока на запад, наблюдались значительные различия в лесистости ее крайних частей.

Источники позволяют утверждать, что в XIV – начале XVI в. западные уезды будущей Орловской губернии (Брянский, Трубчевский, Карачевский, Севский) были почти полностью покрыты практически непроходимыми хвойными и местами смешанными лесами, а остальная часть губернии – широколиственными, пре-

имущественно дубравами. Даже в восточной части Орловщины, ставшей впоследствии степной и безлесной, простирались огромные дубравы. Например, в Ливенском уезде в начале XVII в. под лесами находилось не менее 70 % его территории. В Приправочной книге 1615 г. упоминалось более 40 названий только больших лесов, незначительные дубравы и перелески даже не фиксировались. В Писцовой книге 1685 г. указана примерная площадь отдельных казенных лесов, например, Красный лес – 8000 дес., Жилев – 600 дес. В этом же источнике уже было указано на существенную вырубку частных лесов (Мацук 2001: 186–188; Пясецкий 1999: 11–12). Но насколько масштабной она была, по письменным источникам судить сложно. Вероятно, нужны специальные картографические и почвоведческие подходы.

Очевиден тот факт, что в XVIII в. все наиболее крупные леса были вырублены. В частности, известный краевед второй половины XIX в. Г. М. Пясецкий причиной сведения лесов в Ливенском уезде считал быстрое заселение края и бурный рост населения (Пясецкий 1999: 11–12).

Статистические данные позволяют более-менее точно проследить сокращение площади лесов в Орловской губернии с середины XIX в. По данным военно-статистического обозрения губернии 1853 г., леса занимали в регионе в целом более 850 тыс. дес. (около 50 % всей территории). Этот же источник позволяет установить, что качество данных лесов было различным. В центральных и восточных уездах губернии (Болховском, Елецком, Кромском, Ливенском, Малоархангельском, Орловском) преобладали дубовые, осиновые, кленовые и березовые леса. Все они, как правило, являлись малопригодными для строительства либо из-за того, что были молоды, либо по причине их неудобного расположения вдоль рек, оврагов, сухих балок. В западных (Брянском, Трубчевском, Севском и Карачевском) преобладали хвойные леса с небольшими вкраплениями вторичных лиственных лесов. Практически все леса являлись старыми и пригодными для любого использования их в хозяйственной деятельности (Военно-статистическое... 1853: 175–202).

В географическом описании Российской империи под редакцией П. П. Семенова имелись количественные сведения о лесистости

отдельных уездов Орловской губернии. Западные уезды – Брянский, Трубчевский и Карачевский – к началу XX в. были покрыты преимущественно хвойными лесами. Лесные массивы занимали 55 %, 50 % и 21 % пространства каждого из указанных уездов соответственно, а в юго-западных, Севском и Дмитровском, – 21 % и 17 %. Центральные уезды Орловской губернии отличались высокой степенью освоенности территории, что отражалось на количестве оставшейся под лесными массивами площади: от 4–5 % в Орловском и Кромском, до 7 % – в Мценском и Болховском. Юго-восток губернии был представлен практически безлесными территориями Малоархангельского и Ливенского уездов – менее 3 %, только в Елецком леса составляли 6 % площади (Семенов 1902).

В начале XX в. занятые под лесом площади продолжали сокращаться. По данным, приведенным в статистическом ежегоднике Российской империи за 1912 г., площадь казенных лесов в Орловской губернии в 1905–1909 гг. сократилась с 307 до 300 тыс. десятин. Данных обо всех частновладельческих лесах в нашем распоряжении нет, есть только о тех, которые находились под надзором лесоохранительного управления. Площадь находящихся под надзором лесов Орловской губернии в период с 1905 по 1909 г. сократилась с 775,4 до 756,1 тыс. дес. (Статистический... 1912: 106–107). Если сравнивать эти цифры с данными середины XIX в., можно установить, что лесная территория региона уменьшилась примерно на 100 тыс. дес., или 12 %, что в относительном измерении было значительно меньше, чем в уже рассматривавшейся Тамбовской губернии. В данном случае мы подчеркиваем важность сравнительного историко-географического анализа.

Процесс сокращения лесов можно проследить также и на микроуровне. «Опытным образцом» может служить территория прихода села Навесного, расположенного в Ливенском уезде. Село было образовано во второй половине XVII в., но первые упоминания о раздаче земли и различных угодий служилому (будущему однодворческому) населению в данной местности датируются 1615 г. В это время на территории будущего села и окружавших его деревень было зафиксировано много дубрав и перелесков, занимавших обширные пространства: Навесный, Круглый, Каменный и т. д.

Впоследствии первые два дали название селам Навесное и Круглое. Все эти леса были постепенно практически полностью вырублены. По данным военно-статистического обозрения 1853 г., в районе села Навесное оставалось 90 дес. казенного леса. К началу XX в. имелись только частные лески, площади которых были незначительны.

Для сравнения можно обратить внимание на материалы о лесах отдельных помещичьих имений, которые позволяют уточнить очень важный с экологической точки зрения вопрос о лесоводстве. В частности, этот вопрос позволяют исследовать сведения об имениях дворян тамбовской ветви известного российского дворянского рода Давыдовых, специально изученные тамбовским историком Д. А. Шуваевым (2011).

Необходимость рационального использования лесов и их сохранения начала осознаваться Давыдовыми с конца XIX столетия. В частности, в Кулеватовском хозяйстве Моршанского уезда практиковались «новые посадки» деревьев, лес практически не вырубался (исключение касалось лишь лиственного леса с «господством осины»), а большей частью (85 %) сдавался в долгосрочную аренду для выпаса скота (Давыдов 1994: 106; Сборник... 1885: 138, 139; Статистические... 1903: 19).

В имении Н. В. Давыдова Николаев хутор и Осочный куст, несмотря на масштабную вырубку, производилось прореживание лесных угодий, а арендаторам запрещалось косить и пускать скот «по порубкам и лесосекам, где пошли или пойдут молодые побеги» в течение 9–10 лет (ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 863. Л. 7 об., 10, 11, 11 об.; Д. 2301. Л. 8 об., 10 об., 11).

Хозяйство Подостровное, принадлежавшее Е. А. Давыдовой, ежегодно сводило по 0,75 дес. леса. Рубка производилась выборочная: «Береза и дуб остаются на корню, а вырубается только осина, которая разрабатывается на дрова». Практиковалась посадка сосны (Статистические... 1903: 127).

С 1896 по 1901 г. лес в Мокринской экономии с хутором Екатерининским не эксплуатировался, очень берегся, вырубался лишь сухостой. В дальнейшем стали ежегодно сводить по 3 дес. «спелого» леса, который разрабатывался на дрова (Там же). С одной деся-

тины в среднем получали «30 кб. саж. швырка и 60 возов сучьев». Все дрова расходовались на нужды собственного хозяйства (ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3933. Л. 22; Д. 4857. Л. 18 об.). Практиковалось сенокосение на лесных полянах (Там же. Л. 22). Однако по лесным порубкам имел место приведший к порче поросли выпас скота (в том числе и крестьянского за отработки) (Там же; Статистические... 1903: 128). В то время как лесные угодья, ведшего совместное хозяйство с имением хутора Петровского, не эксплуатировались (Там же. Д. 7090. Л. 12 об.)

Говоря современным языком, можно сделать вывод о наличии экологического сознания у отдельных помещиков России в конце XIX – начале XX в. Но с учетом работы Е. В. Хмель, изучившей процессы рационального природопользования в нескольких сотнях наиболее крупных имений Тамбовской губернии соответствующего периода, приходится констатировать, что помещики, занимавшиеся контролируемым использованием лесных ресурсов и восстановлением лесов, подобно Давыдовым, исчислялись буквально единицами (Хмель 2004).

Информационные технологии позволяют решить один из самых сложных вопросов российской истории первых десятилетий XX в., связанных с частыми административно-территориальными переменами и соответственно крайней сложностью сопоставления различных процессов, шедших на одной и той же территории. В частности, это дает возможность сделать создание баз данных природных угодий на основе первичных материалов волостей 1900–1910-х гг. и небольших сельских районов 1930–1950-х гг., которые поддаются достаточно точному сравнению. Первичные источники о лесных площадях позволяют в определенной мере проследить судьбу лесов отдельных местностей Тамбовского региона в 1910–1930-е гг. Так, сведения 1912 г. касаются только лесов крестьянских обществ, тогда как большая часть подобных угодий принадлежала помещикам и государству. Но поскольку в материалах конца 1930-х гг. в некоторых районах Тамбовской области не указано наличие лесных площадей, а в волостях, расположенных ранее на тех же территориях, леса имелись, можно предположить, что они были вырублены в период катаклизмов конца

1910–1930-х гг. Наиболее заметно это проявилось в Первомайском районе, который в 1940 г. числился безлесным, а в 1912 г. в расположенных на этой же территории Никольской, Сеславинской, Хоботец-Богоявленской волостях у крестьянских обществ числилось 843 дес. леса. В Никифоровском районе в конце 1930-х гг. числился только кустарник. Между тем в 1912 г. отмечено наличие у крестьян 10 дес. леса в Екатерининской волости (Акользина, Канищев 2010: 48–70).

Еще одна созданная нами база данных – «Колхозы» – основана на сведениях о 312 колхозах Тамбовской области на 1960 г. В частности, эта база включает в себя сведения о том, что предусмотренные Сталинским планом преобразования природы полезащитные лесополосы в 1960 г. реально имелись только в 40 колхозах из 312, хотя по плану должны были возводиться повсеместно.

Комплексный анализ источников позволил увидеть и особенности создания лесополос, которые во многом оказались непрямым результатом Сталинского плана преобразования природы. Приведенные данные о колхозных лесополосах вкупе с другими документами свидетельствуют о том, что до середины 1960-х гг. только накапливался опыт их возведения. В период реализации Сталинского плана преобразования природы и примерно 10 лет после него лесополосы еще существенно не влияли на урожайность в сельскохозяйственных предприятиях Тамбовской области. И все-таки результаты использования геоинформационных технологий позволяют говорить о том, что в итоге Сталинский план заметно изменил ландшафт безлесных степных районов Тамбовской области.

Надеемся, что представленные в статье наблюдения позволили уточнить сложившиеся и получить новые представления по рассмотренному вопросу. Прежде всего отметим, что наши наблюдения подтвердили известный тезис о мозаичности лесов в лесостепной полосе европейской части России, показали, что такая конфигурация лесных массивов, образованная природой, исторически усиливалась под воздействием антропогенного фактора. Наблюдения, полученные в результате изучения первичных исторических источников и картографических материалов, существенно конкретизировали вопросы лесопользования и лесовос-

становления в повседневной практике населения аграрного общества в прошлом нашей страны.

Литература

Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии. 1913 год. Тамбов.

Акашева, А. А. 2006. *Нижний Новгород в 1860–1890-е гг. Методика реконструкции социокультурного пространства города*: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород.

Акользина, М. К., Канищев, В. В.

2005. Изменения окружающей среды в уездных городах Тамбовской губернии в конце XVIII – начале XX в. *Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX в.* Тамбов. С. 32–41.

2010. Изменения демографической нагрузки сельского населения Тамбовского региона на природные ресурсы в течение XX в. (локальный и микроуровни). *Демографические и экологические проблемы истории России в XX веке*: сб. науч. трудов. М.

Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. СПб., 1871.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII. Ч. 1. Тамбовская губерния. СПб., 1851. Таблица № 6.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 5. Орловская губерния. СПб., 1853.

Географический словарь Тамбовской губернии в конце XVIII и начале XIX столетий. Тамбов, 1902.

Географическо-статистические заметки по Тамбовской губернии. СПб., 1870.

Грузинов, И. 1858. Возможность улучшения быта помещичьих крестьян Тамбовской губернии. *Журнал землевладельцев*. Т. 4.

Давыдов, А. В. 1994. Надписи к Кулеватовским фотографиям. *Земство* 4.

Из рукописи господина Козлова, бывшего уездного борисоглебского предводителя дворянства. *Известия Тамбовской ученой архивной комиссии*. Вып. 29. *Избранное*. Т. 2. Тамбов, 2009.

Канищев, В. В., Цинцадзе, Н. С. 2005. Экологический аспект крестьянской реформы 1861 г. (по материалам Тамбовской губернии). *История и современность* 2: 64–79.

Канищев, В. В., Кончаков, Р. Б., Костовска, С. К. 2011. Пространственное моделирование экологических процессов в истории. *Фрактальное моделирование (Fractal Simulation)* 1: 15–20.

Коньшина, Ю. Ю. 2010. *Имущественное положение крепостных крестьян Тамбовской губернии в первой половине XIX в.*: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов.

Литвинов, М. А. 1897. *История крепостного права в России*. М.

Максимова, К. Ф. 1951. *Крестьянская реформа в Тамбовской губернии*: дис. ... канд. ист. наук. М.

Мацук, М. А. 2001. *Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/1616 году*. Ч. II. Сыктывкар. С. 186–188.

Мещеряков, Ю. В. 2005. *Гавриил Романович Державин. Тамбовский период деятельности (1786–1788)*. Тамбов.

Памятная книжка Тамбовской губернии на 1894 год. Тамбов, 1894.

Проект действительного статского советника и члена дворцовой канцелярии Ивана Елагина об определении в неотъемлемое владение дворцовым крестьянам и о раздаче казенных деревень, за известную плату на временное и определенное владение вольным содержателям. 1859. *Журнал землевладельцев* 22.

Приложения к Трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. 3. СПб., 1860.

Пясецкий, Г. М. 1999. *Исторические очерки города Ливны в политическом, статистическом и церковном отношении*. Орел.

Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 8. Липецкий уезд. Тамбов, 1885.

Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 16. Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов, 1885.

Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 15. Тамбов, 1890.

Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Тамбов, 1891.

Семенов, П. П. 1902. *Россия. Полное географическое описание нашего отечества*. Т. 2. *Среднерусская черноземная область*. СПб.

Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии по закону 8-го июня 1893 года. Вып. 8. Елатомский уезд. Тамбов, 1903.

Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии по закону 8-го июня 1893 года. Вып. 12. Моршанский уезд / под ред. Н. Романова. Тамбов, 1907.

Статистический ежегодник на 1912 г. СПб., 1912. С. 106–107.

Тамбов. Географический атлас. М., 1990.

Хмель, Е. В. 2004. *Рациональное природопользование в хозяйствах крупных землевладельцев Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX в.:* дис. ... канд. ист. наук. Тамбов.

Шуваев, Д. А. 2011. *Тамбовский род дворян Давыдовых: вклад в историю России и губернии (конец XVIII – первая четверть XX в.):* дис. ... канд. ист. наук. Тамбов.

Архивы:

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.